



## Императрица Елисавета Алексѣевна, супруга Императора Александра I<sup>1)</sup>.

(Великій князь Николай Михайловичъ. Императрица Елисавета Алексѣевна, супруга Императора Александра I. т. III. Спб. 1909).

30 ноября 1815 года, Императрица Елисавета возвратилась, послѣ двухъ-лѣтняго отсутствія, въ Петербургъ, куда она, во время своего пребыванія въ Баденъ, неустанно стремилась душою, сознавая, что тутъ было ея настоящее мѣсто.

Подъѣзжая къ столицѣ, ее волновали самыя разнообразныя чувства.

„Россія и Петербургъ двѣ вещи разныя“, писала она маркграфинѣ, дѣлясь съ нею своими чувствами, „сердце мое затрепетало при перѣздѣ границу, но, подъѣзжая къ Зимнему дворцу, оно замерло. Въ жизни все требуетъ компенсаціи: я была такъ счастлива послѣднее время, и это должно быть искуплено“.

Первый моментъ по возвращеніи былъ пріятенъ, но очень скоро Государынѣ стало недоставать той „тихой, спокойной жизни, съ которой она свыклась за два года отсутствія изъ Петербурга“ и хотя жизнь вошла въ прежнюю колею, но отпечатокъ грусти, навѣянный на нее разлукою съ близкими, не покидалъ ее всю зиму. Между тѣмъ зимній сезонъ былъ богатъ развлеченіями и празднествами, по случаю совершившихся въ январѣ и февралѣ 1816 г. бракосочетаній Великихъ Княгинь Екатерины Павловны и Анны Павловны.

Эти празднества совершенно не гармонировали съ настроеніемъ Государыни, и графиня Строганова, которой было извѣстно ея душевное состояніе, называетъ ихъ по отношенію къ ней „des fleurs au pied de la croix“.

<sup>1)</sup> См. „Русскую Старину“ мартъ 1910 г.

Въ то время Елисавету Алексѣвну тревожилъ переломъ, совершавшійся въ душевномъ состояніи ея супруга.

„Перемѣна, происшедшая въ Александрѣ I по возвращеніи изъ похода, была подмѣчена всѣми приближенными и даже иностранцами. Въ его характерѣ появились новыя, дотолѣ неизвѣстныя черты: явилась самоувѣренность, самонадѣянность, нелюбовь къ противорѣчіямъ и какая-то особая подозрительность ко всѣмъ и каждому, съ оттѣнкомъ презрѣнія къ человѣчеству вообще“.

Сложный душевный процессъ, явившійся послѣдствіемъ успѣховъ и побѣдъ, одержанныхъ Александромъ, и той роли, которую ему пришлось играть въ Европѣ, долженъ быть, въ значительной степени, приписанъ вліянію знаменитой г-жи Крюднеръ, съ которой Императоръ познакомился въ Гейдельбергѣ. Елисавета Алексѣвна не сочувствовала взглядамъ и теоріямъ, возмѣвшимъ такое рѣшающее вліяніе на Императора, но, по своему обыкновенію, не пыталась вступить съ нимъ въ борьбу, а пассивно выжидала событій; между тѣмъ это мѣшало ея душевному спокойствію, и въ ея душѣ зрѣлъ планъ удалиться куда-нибудь отъ жизни, которая ничѣмъ не прельщала ее, въ которой она не была въ состояніи завоевать себѣ подобающее мѣсто и не могла отвоевать свою долю счастья.

„Впадая порою въ отчаяніе, она помышляла чуть ли не о разводѣ и находила утѣшеніе только въ мысляхъ о смерти; ко всему этому маленькая Лиза Голицына, дочь Натальи Ѳедоровны, стала хворать и въ декабрѣ 1816 г. умерла отъ дѣтской болѣзни. Этотъ ребенокъ, со смерти матери, въ теченіе девяти лѣтъ находился неотлучно при Государынѣ, которая оказывала ей особое вниманіе и всякія заботы, а во время болѣзни ухаживала за ней какъ самая заботливая мать и не оставляла ее до послѣдней минуты. „Это новое горе и ожившія воспоминанія о своей собственной „Лизинькѣ“ растравили старыя наболѣвшія раны, и все вмѣстѣ взятое вылилось въ новыхъ сѣтованіяхъ на свою несчастную судьбу и склоняло государыню къ новымъ безотраднымъ рѣшеніямъ.“

„Надо отдать полную справедливость маркграфинѣ матери“, говоритъ августѣйшій біографъ Елисаветы Алексѣвны, „что она съумѣла, съ присущимъ ей здравымъ смысломъ, вернуть свою дочь на путь истины и вселить въ нее духъ бодрости, подобавшій ея положенію“.

„Не думаю, писала маркграфиня своей дочери, чтобы девизъ *терпѣніе и упованіе на Бога* остался навсегда твоимъ девизомъ. Я увѣрена, что все измѣнится. Но ради Бога, не дѣлай необдуманнаго шага (*coup de tête*), ибо, повѣрь мнѣ, вся вина падетъ на тебя“.

Мать не одобряла и стремленія Императрицы постоянно стусевываться, быть незамѣтной и писала, что „это можетъ дать людямъ, которые захотѣли бы этимъ воспользоваться, случай быть болѣе на виду. Этому повода имъ давать отнюдь не слѣдуетъ“. Отвѣчая на жалобы своей дочери, что ей не даютъ иногда подобающаго ей мѣста, маркграфиня говоритъ: „я бы отстаивала свои права, хотя бы это повело къ неприятымъ объясненіямъ съ тѣмъ, кто первый долженъ былъ бы за этимъ слѣдить, если не изъ любви, то по крайней мѣрѣ изъ уваженія къ той, которая носить его имя. Прости мнѣ одно замѣчаніе, но я подмѣтила въ тебѣ какую-то ложную стыдливость, какое-то желаніе стусевываться. Мнѣ извѣстно, что подобное же наблюденіе было сдѣлано въ Вѣнѣ. Этимъ могутъ воспользоваться тѣ, кои желаютъ играть первую роль“.

Благодаря вліянію матери, Елисаветѣ Алексѣевнѣ удалось подавить въ себѣ чувства, доводившія ее до отчаянія, но по самому свойству своей натуры, она была не въ силахъ вступить въ энергичную борьбу съ внѣшними обстоятельствами, отравлявшими ей жизнь. Она окончательно избрала себѣ съ тѣхъ поръ девизомъ полную покорность завѣтамъ Провидѣнія: „une résignation complète“, — „souffrir en silence“.

„Несмотря на нравственные волненія и заботы, Императрица неустанно продолжала заниматься дѣлами благотворительности, но она работала келейно, скромно и мало замѣтно для современниковъ“.

Каждая изъ дамъ патріотическаго общества, въ главѣ котораго стояла Императрица, приняла на свое попеченіе особую часть города и, заботясь о нуждахъ бѣдныхъ жителей, доводила о нихъ до свѣдѣнія правленія общества, которое и принимало мѣры къ облегченію ихъ положенія. Для успѣшнаго наблюденія за бѣдными каждый членъ имѣлъ одну помощницу и сверхъ того одну собирательную подаяніи.

Общество считало долгомъ заботиться преимущественно о дѣвочкахъ бѣднѣйшаго состоянія, оказывать имъ призрачіе, доставлять пропитаніе, обучать всему необходимому въ житейскомъ быту, внушать имъ добрую нравственность и т. д.

Каждая изъ дамъ, завѣдующая особою частью города, старалась прискакать, для извѣстныхъ по бѣдности сиротъ, наставницу въ рукодѣліяхъ изъ бѣдныхъ же благонадежныхъ женщинъ, которымъ потомъ назначалось содержаніе по числу дѣвицъ, порученныхъ ихъ надзору. Наставница была обязана учить ихъ шитью, вязанью и располагать часы занятій такимъ образомъ, чтобы дѣти успѣвали ходить и въ школу.

Многія изъ дѣтей, какъ круглыя сироты, не имѣли пристанища, и необходимо было заботиться о призрѣніи ихъ и полномъ обезпеченіи.

Это послужило поводомъ къ учрежденію заведеній, извѣстныхъ подъ названіемъ „Частныхъ патріотическихъ школъ“.

Когда, такимъ образомъ, кругъ дѣйствій общества, постоянно измѣняясь, расширился, то настала нужда въ установленіи для него новыхъ, болѣе точныхъ и соотвѣтствующихъ обстоятельствамъ правилъ. Эти правила, подъ названіемъ „Уставъ С.-Петербургскаго Женскаго Патріотическаго Общества“, были Высочайше утверждены въ 1817 г.

24 августа 1818 г. послѣдовалъ Высочайшій рескриптъ на имя Императрицы Елисаветы Алексѣевны о покупкѣ дома для Сиротскаго училища, находившагося до тѣхъ поръ въ наемномъ помѣщеніи. На покупку этого дома, сверхъ крупнаго пожертвованія Государыни, было употреблено 50 тыс. рублей, оставшихся отъ пожертвованій въ пользу разоренныхъ войною 1812 г.

Первый выпускъ воспитаницъ Сиротскаго училища состоялся 1 января 1812 г.

9 сентября 1820 г. Императрица почтила патріотическихъ дамъ рескриптомъ, въ которомъ она выразила свои взгляды на задачи патріотическаго общества: „Воспитаніе бѣдныхъ дѣтей есть одно изъ величайшихъ благодѣяній, какое можно оказать нуждающемуся состоянію“, говорилось въ рескриптѣ, „а потому частныя школы всегда обращали мое особенное вниманіе. Наставленіе въ правилахъ вѣры и нравственности, столь необходимое, дабы удалить отъ порока дѣтей, въ оныя принятыхъ, и средства, коими они впоследствии могли бы себѣ снискивать честное пропитаніе, было цѣлью сихъ заведеній. Чѣмъ къ болѣе низшему и безъизвѣстному состоянію принадлежатъ дѣти, тѣмъ больше мы обязаны отвѣтственностью, буде образованіе ихъ не такое, каковымъ оно быть должно, ибо тайное зло распространяется тѣмъ съ большей опасностью, чѣмъ оно сокровеннѣе, а въ высшихъ сословіяхъ сіе не можетъ случиться. Посему-то я и желаю, чтобы одинъ избранный изъ среды духовенства производилъ испытаніе въ извѣстное время и по очереди въ этихъ частныхъ школахъ, какъ для удостовѣренія, что учащіяся въ оныхъ дѣйствительно научаются истиннымъ правиламъ нашего закона, такъ и для донесенія мнѣ, что сія важнѣйшая часть воспитанія не остается въ небрежности. Всѣмъ еще памяты прежніе примѣры, что дѣти иногда, по нерадѣнію надзирательницы школы или по недостатку, приходскаго священника, вовсе не получали нужнѣйшаго наставленія, что и побудило меня ввести нынѣ новый порядокъ, въ надеждѣ

облегчить патриотическимъ дамамъ надзоръ за таковыми школами и возбудить ревность въ приходскихъ священникахъ къ наставленію ввѣреннаго имъ юношества“.

„Женское патриотическое общество уже имѣло въ 1821 г. въ своемъ вѣдѣніи, независимо отъ Сиротскаго училища, шесть школъ въ частяхъ столицы: Выборгской, Васильевской, Литейной, 2, 3 и 4 Адмиралтейскихъ. Въ слѣдующемъ году, Ея Величество изволила принять въ свое непосредственное вѣдѣніе дѣла Сиротскаго училища и Дома Трудолюбія по частямъ учебной и хозяйственной. Первое изъ этихъ заведеній получило названіе „Патриотическаго института“. Въ особомъ рескриптѣ отъ 9 мая 1822 г. Государыня подтвердила, что отношенія общества къ этимъ заведеніямъ остаются прежнія и права патриотическихъ дамъ не измѣняются“.

Въ бумагахъ С. С. Уварова сохранилось письмо къ нему Императрицы Елисаветы, свидѣтельствующее о ея серьезномъ, вдумчивомъ отношеніи къ дѣлу благотворительности; въ немъ Государыня обращается къ Уварову съ просьбою разыскать для нея уставъ какого-нибудь нѣмецкаго благотворительнаго общества, католическаго или протестантскаго, который могъ бы послужить образцомъ при выработкѣ устава для возникшаго у насъ патриотическаго общества.

Московскій старожилъ Г. В. Грудевъ, служившій при С. С. Уваровѣ, ближайшемъ сотрудникѣ Императрицы по дѣламъ патриотическаго общества, набросалъ, незадолго до своей смерти, интересныя воспоминанія, въ которыхъ онъ касается благотворительной дѣятельности Государыни.

„Въ 1817 году я служилъ при попечителѣ С.-Петербургскаго округа, Сергѣѣ Семеновичѣ Уваровѣ“, пишетъ Грудевъ. „Въ это время всѣ были подъ обаяніемъ патриотическихъ чувствъ послѣ окончанія отечественной войны“.

Императрица Елисавета Алексѣвна, для оказанія помощи осиротѣлымъ семьямъ, образовала патриотическое общество и училище съ Домомъ Трудолюбія, названнымъ послѣ ея кончины Елисаветинскимъ институтомъ.

Императрица избрала себѣ помощницей княгиню Варвару Алексѣвну Репнину, рожденную графиню Разумовскую. Когда супругъ княгини Репниной былъ назначенъ военнымъ губернаторомъ въ Полтаву, и княгиня уѣхала изъ Петербурга, то ее замѣстила родная сестра ея, Екатерина Алексѣвна Уварова, супруга С. С. Уварова.

Начальницей Дома Трудолюбія была баронесса Ховенъ, а правителемъ письменныхъ дѣлъ—Александръ Ивановичъ Тургеневъ. Для помѣщенія воспитанницъ былъ нанятъ домъ на Васильевскомъ островѣ, принадлежавшій генералу Яхонтову; домъ посѣщали при-

способить, переправить и занять безъ надлежащей описи. Это повело въ послѣдствіи, когда оставили этотъ домъ, къ тяжбѣ и ко взысканію съ начальства Дома Трудолюбія за поврежденія и убытки. Сумма простиралась до 10 т. руб. ассигнаціями, или болѣе.

Сергѣемъ Семеновичемъ Уваровымъ мнѣ поручено было разобрать всѣ бумаги, присланныя отъ А. И. Тургенева: контрактъ по найму дома и бумаги по начавшемуся дѣлу въ судѣ. Судъ, по освидѣтельствующему неисправностей дома генерала Яхонтова, нашелъ требованіе вознагражденія убытковъ правильнымъ. Рѣшеніе пришло въ законную силу, такъ какъ всѣ сроки объ объявленіи рѣшеній оставались безъ отвѣта, т. е. были пропущены.

Вотъ поводъ, по которому въ одинъ прекрасный день я былъ призванъ въ кабинетъ Екатерины Алексѣевны Уваровой, гдѣ находилась Императрица Елисавета Алексѣевна. Она сидѣла въ глубинѣ комнаты, и, какъ мнѣ помнится, съ опущеннымъ вуалемъ. Я доложилъ, что безъ особаго Высочайшаго повелѣнія нельзя опровергнуть иска. Вскорѣ послѣ этого взыскиваемая деньги были присланы Императрицей черезъ ея довѣреннаго камердинера Крылова.

По службѣ моей бывая ежедневно въ домѣ С. С. Уварова, мнѣ случалось видать Императрицу Елисавету Алексѣевну при пріѣздахъ ея къ Е. А. Уваровой, какъ въ петербургскій домъ, такъ и на дачу, на Петербургской сторонѣ, на рѣчкѣ Карповкѣ.

Помню особенно одинъ случай, когда карета Ея Величества завязла въ одномъ изъ немощеныхъ проѣздовъ съ Каменноостровскаго шоссе, о чемъ узнали на дачѣ Уваровыхъ и послали легкой экипажъ, въ которомъ Императрица и пріѣхала съ дамой, ее сопровождавшей. Императрица была съ опущеннымъ вуалемъ. Ни одного слова гнѣва или неудовольствія не слышали отъ нея, и менѣе всѣхъ взволнованной была она и просила Уваровыхъ никому не говорить о случившемся“.

Изъ воспоминаній приближенной къ Императрицѣ фрейлины Саблуковой, которыя были помѣщены въ „Русской Старинѣ“ (1884 г.), мы знаемъ, что Императрица Елисавета Алексѣевна тратила на дѣла благотворительности бѣольшую часть своихъ личныхъ средствъ. „Она постоянно отказывалась брать милліонъ дохода, который получаютъ Императрицы, довольствуясь для своихъ личныхъ надобностей 200 т. руб., которые ассигнуются Великимъ Княгинямъ, и все остальное издерживала исключительно на дѣла благотворительности.

„Словомъ, показанія современниковъ сходятся въ томъ, что Императрица Елисавета Алексѣевна умѣла дѣлать и дѣлала много добра. Но, со свойственной ей скромностью, она старалась скрывать отъ взоровъ толпы то, что подсказывало ей добрѣйшее ея сердце. Благо-

дѣянiя творились какъ бы тайкомъ, избѣгалась всякая попытка къ церемонiямъ или наружному блеску, работало нѣсколько лицъ, подъ наблюдениемъ Государыни, ею избранныхъ, которымъ она вполне довѣряла, и весьма мало людей были посвящены въ это при жизни Государыни. Послѣ ея кончины многое стало извѣстно благодаря тѣмъ сотрудникамъ, которые помогали ей при жизни.

С. С. Уваровъ съ супругой, княгиня Мещерская, Н. М. Лонгиновъ, секретарь Елисаветы Алексѣвны, графиня С. В. Строганова— вотъ тѣ немногiя лица и были ежедневными свидѣтелями дѣятельности Е. А. на этомъ поприщѣ“.

„Всю осень и зиму 1817/18 г. и весну 1818 г. Елисавета Алексѣвна провела въ Москвѣ, это пребыванiе произвело особенно прiятное впечатлѣнiе на Императрицу, не бывшую въ Москвѣ со времени своего коронованiя. Государыня много выѣзжала, посѣщала монастыри и церкви, бывала на вечерахъ у разныхъ именитыхъ москвичей, словомъ, вела не обычный ей замкнутый образъ жизни. Новая атмосфера московской жизни благотворно повлiяла на настроенiе и душу Императрицы. Даже звонъ колоколовъ, который прежде наводилъ на нее унынiе, теперь особенно прiятно привлекалъ ея вниманiе, и она наслаждалась этимъ звономъ, которымъ такъ славится Москва“.

Во время пребыванiя царской фамилии въ Москвѣ, въ iюль мѣсяцѣ 1817 г., состоялось бракосочетанiе Великаго Князя Николая Павловича съ принцессой Шарлоттой Прусской.

Сохранилась характерная выписка изъ письма Великаго Князя къ своей невѣстѣ, отъ 3/15 мая 1817 г., изъ которой можно составить себѣ понятiе о томъ, какъ юный Великiй Князь относился къ Императрицѣ Елисаветѣ. Напутствуя свою невѣсту передъ ея прiѣздомъ въ Россiю своими совѣтами, онъ писалъ: „матушка дастъ вамъ тысячу полезныхъ совѣтовъ, которыхъ я, при самомъ добромъ желанiи, не состоянiи дать вамъ. Что касается Императрицы Елисаветы, оказывайте ей всевозможное вниманiе, вѣжливость и уваженiе, но не допускайте ни малѣйшей откровенности, ни въ какомъ случаѣ; къ Императору относитесь съ полнымъ уваженiемъ и довѣрiемъ и какъ нельзя болѣе дружественно“.

Будущая Великая Княгиня вполне подчинилась совѣтамъ своего жениха: будучи всегда любезной и прiвѣтливой, она не искала никакой интимности съ Елисаветой Алексѣвной.

Изъ дневника Великой Княгини Александры Θεодоровны за тотъ же 1817 г. мы имѣемъ интересныя данныя объ отношенiяхъ, существовавшихъ въ то время между обѣими Императрицами.

„.....Мы подѣхали къ Павловску, который произвелъ на меня

самое благопріятное впечатлѣніе. Моя карета остановилась у собственнаго садика вдовствующей Императрицы, которая прижала меня къ сердцу. Императоръ Александръ поцѣловалъ меня; я узнала тетку Антуанету Виртембергскую, ея дочь Марію, какъ вдругъ нѣжный голосъ произнесъ: „подарите меня хоть однимъ взглядомъ“, и я кинулась на шею къ Императрицѣ Елисаветѣ, которая тронула меня своимъ благосклоннымъ простымъ пріемомъ, безъ всякихъ напыщенныхъ чувствъ...

„.....За празднествами слѣдовали меневры; они происходили между Петергофомъ и Ораниенбаумомъ. На нихъ присутствовали иногда Императрицы, обѣ принцессы Виртембергскія, но такъ какъ я сидѣла между Ихъ Величествами, то это зрѣлище, которое при иныхъ обстоятельствахъ доставило бы мнѣ большое удовольствіе, не доставило мнѣ ни малѣйшаго развлеченія. Князь Меншиковъ, сопровождавшій карету Ихъ Величествъ, повезъ насъ нѣсколько плохой дорогой, лошади запутались, и карета неожиданно откатилась назадъ. Матап крикнула, чтобы отворили дверцы, и поспѣшно вышла изъ экипажа; Императрица Елисавета и мы послѣдовали за ней. Выйдя изъ экипажа, матап подошла къ Императрицѣ Елисаветѣ, взяла ее за руку и съ величайшимъ участіемъ сказала: „Дитя мое, вы испугались! какъ вы себя чувствуете?“ а Императрица отвѣчала ей, что она ни чуть не испугалась, „напротивъ, вы испугались“, и все это было сказано съ кислой миной. Матап еще разъ повторила свой вопросъ, Императрица снова отпѣкивалась. Я не знала что дѣлать. Когда мы снова усѣлись, Императрицѣ Елисаветѣ видимо было неловко, что я была свидѣтельницей этой сцены. Когда мы остались однѣ, она, какъ бы извиняясь, сказала мнѣ, что вдовствующая Императрица часто обвиняетъ ее въ томъ, въ чемъ она въ сущности сама бываетъ виновата, и что она этого не выноситъ. Я ничего не отвѣтила, но, обдумавъ этотъ случай, я рѣшила, что если матап имѣла эту маленькую слабость, все же Императрица Елисавета была болѣе виновата, такъ какъ она своимъ кислымъ, недовольнымъ тономъ затянула сцену, которая могла бы пройти незамѣченной, если бы она отнеслась къ ней иначе; какъ бы то ни было, это послужитъ мнѣ урокомъ впредь“.

Во время пребыванія двора въ Москвѣ Императоръ Александръ часто уѣзжалъ: то въ Варшаву, на открытіе польскаго сейма, то въ военныя поселенія, то въ Одессу, Крымъ, Новочеркасскъ, Воронежъ, Рязань.

1 іюня 1818 г. онъ вернулся изъ своего продолжительнаго путешествія на югъ въ Москву, гдѣ ожидался пріѣздъ короля Фридриха Вильгельма III съ наслѣднымъ принцемъ. Когда закончились



торжества, вызванныя ихъ прїѣздомъ, дворъ уѣхалъ въ Петербургъ, гдѣ празднества, парады, смотры и всевозможныя увеселенія продолжались еще нѣсколько недѣль.

Эти празднества страшно утомили Императрицу Елисавету, и она, въ своихъ письмахъ къ матери, часто сѣтуетъ на жизнь, которую ей приходилось вести и которая не доставляла ей удовольствія.

Не успѣла Императрица отдохнуть отъ испытаннаго утомленія, какъ ей пришлось отправиться въ заграничное путешествіе. 27 августа Александръ I отбылъ на Ахенскій конгрессъ, а два дня спустя, Елисавета Алексѣевна выѣхала въ Баденъ, на свиданіе съ родными. Какъ была настроена этотъ разъ Императрица, уѣзжая на родину? На это даютъ отвѣтъ ея письма къ графинѣ Софіи Владиміровнѣ Строгановой, съ которой она была вполнѣ откровенна.

„Я уже знаю объ этомъ (о предполагаемой поѣздкѣ) недѣли двѣ, писала она 25 іюля 1818 г., но мнѣ не хотѣлось говорить объ этомъ, мнѣ казалось, что пока я не написала Вамъ объ этомъ, все еще могло измѣниться..... и такъ, я ѣду въ Германію. Я не знаю еще точно, когда именно я уѣду; мнѣ скажутъ: „поѣзжай!“ и я поѣду; но не успѣютъ сказать мнѣ: „возвращайся“, какъ я уже буду въ дорогѣ. Вы знаете, какъ я люблю свою семью, но съ другой стороны вы слишкомъ хорошо меня знаете, чтобы мнѣ нужно было объяснять то, что происходитъ во мнѣ“.

Нѣсколько дней спустя, она писала: „ясно и несомнѣнно, что я предпринимаю это путешествіе, чтобы успокоить вдовствующую Императрицу, которая не можетъ помириться съ мыслию оставить меня здѣсь одну <sup>1)</sup>). Императоръ сказалъ мнѣ это безъ обиняковъ и этимъ пресѣкъ всѣ возраженія, которыя готовы были сорваться у меня съ языка. „Vous ferez beaucoup mieux de partir“; эти слова, сказанныя два-три раза самымъ рѣшительнымъ тономъ, показали мнѣ, что и онъ хотѣлъ, чтобы я уѣхала. Я видѣла ясно, что настаивать значило бы вызвать неудовольствіе и быть можетъ ссору. Я рѣшила покориться волѣ Божіей, какъ неизбежному. Ставъ на эту точку зрѣнія, я могу примириться съ ней и исполнить мой долгъ handsomely. Но, смотря на дѣло съ чисто человѣческой точки зрѣнія, я огорчаюсь и возмущаюсь этой поѣздкой: особенно возмущаетъ меня поводъ, какимъ она вызвана. Я не предводитель мятежниковъ и не жертва; только въ этомъ случаѣ имѣли бы право удалить меня изъ дома, вопреки моему желанію, вопреки желанію моей матери, безъ всякой пользы для кого бы то ни было. Меня удаляютъ отъ тѣхъ, кто хочетъ быть со мною, меня посылаютъ

<sup>1)</sup> Императрица Марія Феодоровна также уѣзжала за границу.

туда, гдѣ боятся моего прїѣзда; никто не задается вопросомъ, будетъ ли эта поѣздка въ зимнее время года полезна для меня или вредна. И ради чего это дѣлается? Я не берусь судить о мотивахъ, руководящихъ Императоромъ. Что касается мотивовъ его матери, то они должны быть лестны для меня; значить, она считаетъ меня очень неотразимой, если она такъ боится оставить меня здѣсь на четыре мѣсяца. Когда вопросъ о моей поѣздкѣ былъ окончательно рѣшенъ, она сказала мнѣ, что до нея дошелъ слухъ, будто я ѣду неохотно, противъ воли: я этого не отрицала. Тогда она разыграла комедію и предложила попросить Императора, чтобы онъ позволилъ мнѣ не ѣхать. Я сказала ей, что въ этомъ нѣтъ надобности, что я представила Императору всѣ свои возраженія, и что я рѣшила ѣхать потому, что онъ этого желаетъ.

Я ѣду черезъ Пруссію, но не буду въ Берлинѣ: я стараюсь, насколько возможно, избѣгать большихъ дворовъ: они стали мнѣ ненавистны“.

Въ это второе путешествіе Императрицу сопровождали фрейлины: княжна В. М. Волконская, Валуева и Саблукова, г-жа Пить, К. А. Нарышкинъ, Посниковъ и секретарь государыни, Н. М. Лонгиновъ.

Ни Нарышкинъ, ни Валуева не были для нея прїятными собесѣдниками; между тѣмъ она оставалась цѣлый день съ глазу на глазъ съ Валуевой, съ которой она ѣхала въ одномъ экипажѣ, чувствуя себя „въ этой ненавистой каретѣ, какъ птичка въ кліткѣ“.

Въ письмѣ съ дороги, изъ Мемеля, Елисавета Алексѣевна говоритъ о „тягостномъ чувствѣ“, которое она испытывала, готовая каждую минуту разрыдаться.

„Переѣзжая нашу границу, пишетъ она,—„я простилась съ маркиромъ Паулуччи, который сталъ для меня въ эту минуту близокъ, какъ самый преданный другъ, такъ какъ онъ оставался въ странѣ, съ которой моя душа такъ тѣсно сроднилась“.

Уѣхавъ изъ Россіи крайне неохотно, только подчинившись настояніямъ Александра и то не безропотно, Императрица прибыла въ Брукзалъ послѣ шестимѣсячнаго отсутствія, очень дурно настроеная; тутъ она застала своего единственнаго брата, великаго герцога Карла при смерти.

„Елисавета Алексѣевна никогда не была особенно близка къ брату, сравнительно мало его знала, уѣхавъ въ Россію, когда онъ еще былъ малолѣтнимъ и, какъ мы видѣли, она не могла простить ему его брака съ Стефаніей Богарнэ, въ слѣдствіе чего ихъ отношенія не были дружественными; тѣмъ не менѣе болѣзнь брата и его

кончина очень опечалили Императрицу, и впечатлѣніе отъ этой второй поѣздки въ Баденъ осталось самое тяжелое“.

Фрейлина маркграфини Баденской, г-жа Фрейштедтъ, въ своихъ мемуарахъ, рассказываетъ о пребываніи Императрицы въ Баденъ зимою 1818 года слѣдующія подробности:

„Въ началѣ октября маркграфиня отправилась въ Брукзалъ, чтобы принять тамъ еще разъ Императрицу Елисавету. Это свиданіе состоялось совершенно неожиданно, во время пребыванія Императора на конгрессѣ въ Ахенѣ.

Во Франкфуртѣ она узнала объ опасномъ положеніи своего брата и немедленно написала Императору и просила его принять участіе въ положеніи ея родины и не допустить ея расчлененія. Ея заступничеству и твердости ея брата, умирающаго гротгерцога, Баденъ обязанъ тому, что его владѣнія остались неприкосновенны, ибо министры не могли склонить его къ уступкѣ, хотя бы одной деревни для того, чтобы спасти страну...

Въ виду поздняго времени года, врачи настояли на томъ, чтобы семья гротгерцога переѣхала изъ сырого Фаворита въ болѣе сухой Раштадтскій замокъ.

Маркграфиня провела съ Императрицей нѣкоторое время въ Баденѣ, чтобы быть ближе къ больному, а затѣмъ переѣхала въ Карлсруэ, куда ей посылались ежедневно съ эстафетой бюллетень о положеніи ея сына. Такъ прошелъ ноябрь, въ теченіе котораго Императоръ Александръ пріѣзжалъ на короткое время въ Раштадтъ, откуда онъ прибылъ въ Карлсруэ, глубоко тронутый состояніемъ больного. Умирающій герцогъ собрался съ послѣдними силами, чтобы принять Императора сидя въ креслѣ и попросить его взять его страну подъ свое покровительство. Чувствительное сердце Александра поняло чувства убитыхъ горемъ матери, супруги и сестеръ, и онъ принялъ геройское рѣшеніе поддержать желаніе доблестнаго герцога и спасти страну отъ раздѣла.

Императоръ переночевалъ въ Карлсруэ, въ маленькомъ домикѣ маркграфини и за недостаткомъ мѣста спалъ въ единственной свободной ея ванной комнатѣ. Императрица помѣщалась въ томъ же домѣ, въ нижнемъ этажѣ, въ четырехъ небольшихъ комнатахъ. Пребываніе Государя вызвало много суеты и самыхъ разнорѣчивыхъ чувствъ. Городъ въ честь высокаго гостя былъ иллюминированъ; всѣ думали съ тревогой и ожиданіемъ о томъ, какъ сложатся дальнѣйшія обстоятельства. Отъѣздъ Императрицы Елисаветы откладывался со дня на день; наконецъ, было рѣшено, что она уѣдетъ 9-го декабря.

7 декабря Императрица пожелала проститься съ братомъ и по-

ѣхала съ этой цѣлью въ сопровожденіи матери, наслѣдной гротгерцогини Гессенской и принцессы Амаліи въ Раштадтъ. Туда же пріѣхала и королева шведская.

Хотя сестры гротгерцога послѣднее время очень сошлись съ его супругой, однако, онѣ не оставили своего любимого брата на ея попеченіе. Онѣ находили, что присущая ей живость характера не подходит для ухода за больными, и что она при всей своей разумности слишкомъ стремительна и не достаточно нѣжна для того, чтобы ухаживать за дорогимъ для нихъ больнымъ. Принцессы застали брата безъ памяти; онѣ скончался на другой день утромъ.

Насколько Императрица была раньше несправедлива по отношенію къ гротгерцогинѣ Стефаніи, настолько она отнеслась къ ней теперь сочувственно; она какъ будто перенесла всю свою любовь къ брату на его вдову. Она выпросила у новаго гротгерцога для своей невѣстки Мангеймскій замокъ, а для лѣтней резиденціи Баденскій замокъ“.

Изъ писемъ Елисаветы Алексѣевны, писанныхъ гр. Строгановой изъ Бадена, мы видимъ, что Императрица тамъ томила и всѣми помыслами рвалась въ Россію.

Тотчасъ послѣ кончины брата, Императрица писала графинѣ:

„Еще немного страданій, и я буду въ Россіи!..

Если здоровье мамы позволитъ, мое возвращеніе въ Петербургъ замедлится, надѣюсь, всего на нѣсколько недѣль. Если бы не это, я бы сейчасъ бѣжала изъ этихъ мѣстъ, гдѣ все причиняетъ мнѣ теперь страданія, гдѣ я встрѣчаю лишь воспоминанія разрушеннаго счастья, разбитыхъ надеждъ“.

Другой разъ она пишетъ: „Будущее такъ же непроницаемо, какъ тотъ туманъ, который охватываетъ въ данную минуту окрестныя горы; я не позволяю себѣ ничего желать, но мнѣ *кажется*, что я буду счастлива, когда я буду опять вмѣстѣ съ вами въ Петербургъ“.

Странно читать эти строки послѣ тѣхъ безчисленныхъ писемъ, въ которыхъ Елисавета Алексѣевна въ теченіе двадцати слишкомъ лѣтъ вспоминала съ такой нѣжной, искренней любовью о своей родинѣ, мечтала о свиданіи съ матерью и съ родными, вздыхала о Баденѣ. Это невольно вызываетъ нѣкоторое недоумѣніе, и въ этомъ ея августѣйшій биографъ видитъ самую загадочную черту характера Елисаветы Алексѣевны.

Въ самомъ дѣлѣ, Императрица, какъ можно судить по ея письмамъ, жила болѣе воспоминаніями и мечтами, нежели дѣйствительностью; но какъ только мечты становились дѣйствительностью, онѣ сразу утрачивали ту прелесть, которую рисовало пылкое воображеніе, и

теряли для нея всякую цѣну; эта вѣчная неудовлетворенность и недовольство причиняли Государынѣ нескончаемыя нравственныя страданія. Она не умѣла пользоваться настоящимъ, а жила либо въ прошломъ, либо въ будущемъ. Въ Баденѣ она скучала по Россіи; вернувшись въ Россію, стремилась мысленно къ роднымъ и съ любовью вспоминала о Баденѣ.

Во вторую поѣздку это настроеніе сказалось еще сильнѣе и даже радость свиданія съ нѣжно любимой ею матерью не могла изгладить того тягостнаго чувства, съ какимъ она уѣхала изъ Петербурга; ее тянуло обратно въ Россію.

Несмотря на зимнюю пору, на кончину брата, на необходимость, казалось бы, не покидать мать въ тяжелыя минуты, Елисавета Алексѣвна спѣшила уѣхать изъ Бадена.

9 января 1819 года она простилась съ матерью и съ родными навсегда. „Передъ ея отъѣздомъ всѣ родные собрались въ салонѣ маркграфини. Облокотившись на мраморный столикъ, она долго бесѣдовала съ маркграфомъ Вильгельмомъ, который пользовался ея особымъ довѣріемъ.

Между прочимъ она высказала ему желаніе, чтобы его старшій братъ Леопольдъ, предполагаемый наслѣдникъ гросгерцога Людовика, женился на шведской принцессѣ Софіи, старшей дочери ея сестры, королевы Фридерики.

На обратномъ пути въ Россію, Государыня, проѣздомъ черезъ Штутгартъ, хотѣла навѣстить Великую Княгиню Екатерину Павловну, королеву Вюртембергскую, но передъ самымъ ея пріѣздомъ въ Штутгартъ было получено извѣстіе о внезапной кончинѣ королевы, и ей не удалось увидѣть Екатерину Павловну. Врачи не допустили, чтобы Императрица присутствовала на ея похоронахъ и, по ихъ настоянію, король послалъ встрѣтить ее и просилъ не заѣзжать въ Штутгартъ. Елисавета Алексѣвна не знала печальной причины, вызвавшей эту просьбу, и думала, что въ Штутгартѣ вспыхнула революція, которую хотѣли скрыть отъ нея“.

Утомленная путешествіемъ и перенесенными испытаніями, вернулась Императрица въ Петербургъ 26 января 1819 г. Государь возвратился въ столицу мѣсяцемъ раньше съ Ахенскаго конгресса, и жизнь потекла обычнымъ порядкомъ. Елисавета Алексѣвна стала вести еще болѣе замкнутую жизнь, чѣмъ прежде, рѣдко появлялась на церемоніяхъ и ограничивалась необходимыми поѣздками по загороднымъ дворцамъ для посѣщенія вдовствующей Императрицы. Изъ лѣтнихъ резиденцій Елисавета предпочитала въ то время Царское Село, гдѣ она могла совершать длинныя прогулки въ обширномъ паркѣ пѣшкомъ или верхомъ, но особенно нравился ей отдаленный

Ораніенбаумъ; тамъ она чувствовала себя привольно, гуляя въ простенькомъ платьѣ и большой соломенной шляпѣ на взморьѣ. Но въ Ораніенбаумѣ ей удавалось пожить только урывками и очень непродолжительное время. Часть лѣта дворъ всегда проводилъ на Каменномъ островѣ, но это излюбленное мѣсто Государыни съ годами потеряло для нея прежнюю прелесть, и она тяготилась, живя тамъ, прошлыми воспоминаніями.

Вообще, съ годами Елисавету Алексѣвну стали утомлять эти нескончаемые переѣзды изъ одного загороднаго мѣста въ другое; особенно уставала она отъ поѣздокъ въ Гатчину или Петергофъ на лошадяхъ въ экипажѣ, отъ постоянныхъ переодеваній для обѣдовъ или выходовъ. Прежде она переносила все это легко и не жаловалась на усталось, хотя никогда не любила этихъ частыхъ передвиженій. Начиная съ 1818 года, Императрица особенно цѣнила время, которое она могла проводить съ супругомъ, но на ея бѣду Государю приходилось постоянно уѣзжать, то на конгрессы за границу, то на разныя инспекціи по Россіи.

Волей неволей приходилось часами проводить время одной и заниматься чтеніемъ, корреспонденціей или писаніемъ своихъ воспоминаній. Корреспонденціи она посвящала обыкновенно конецъ дня и любила „заключить день“, бесѣдуя съ матерью.

„Въ 1817 г. Государыня познакомилась съ Н. М. Карамзинымъ, который вскорѣ сдѣлался ея обычнымъ посѣтителемъ и лекторомъ.

Отношенія между Елисаветой Алексѣвной и знаменитымъ историкомъ заслуживаютъ вниманія, потому что они сразу приняли интимный характеръ взаимнаго довѣрія. Карамзинъ сумѣлъ заинтересовать Государыню своими бесѣдами и чтеніемъ „Исторіи Государства Россійскаго“. Частенько для практики въ русскомъ языкѣ Императрица сама читала вслухъ произведенія историка, и при этомъ происходилъ оживленный обмѣнъ мыслей. Иногда Карамзинъ утомлялъ Государыню, засиживаясь слишкомъ долго, но никогда она не выражала ему неудовольствія и только сѣтовала матери въ письмахъ на это обстоятельство, или на то, что исторіографъ посѣщалъ ее въ неудобные часы. За послѣдующіе годы довѣріе Елисаветы къ Карамзину настолько окрѣпло, что она начала ему читать свои дневники за все время пребыванія ея въ Россіи.

Карамзина это чтеніе живо интересовало; бывали моменты, когда Императрица не рѣшалась читать вслухъ нѣкоторые отрывки слишкомъ интимнаго свойства, тогда она передавала тетрадь Николаю Михайловичу, и онъ молча прочитывалъ означенныя строки. Родственники Государыни узнали объ этомъ обстоятельстве только послѣ кончины Государыни. Имъ сообщилъ эти подробности князь

Александръ Николаевичъ Голицынъ, которому Карамзинъ на смертномъ одрѣ передалъ ихъ по секрету.

„Дневникъ свой Императрица хотѣла завѣщать Карамзину, скончавшемуся двѣ недѣли послѣ нея, но желаніе Государыни не было исполнено. Императоръ Николай I нашелъ болѣе цѣлесообразнымъ предать все забвенію и лично сжегъ эти дневники, по соглашенію съ Императрицей Маріей Ѳеодоровной. Остается только пожалѣть объ исчезновеніи драгоцѣннаго историческаго матеріала.

„Насколько исторіографъ цѣнилъ отношенія къ Елисаветѣ Алексѣевнѣ, явствуетъ изъ его переписки съ И. И. Дмитріевымъ. 30 сентября 1821 г. Карамзинъ писалъ ему изъ Царскаго Села: „Судьба страннымъ образомъ приблизила меня въ лѣтахъ преклонныхъ ко двору необыкновенному и дала мнѣ искреннюю привязанность къ тѣмъ, чьей милости всѣ ищутъ, но кого рѣдко любятъ. Ты не менѣ моего знаешь двухъ <sup>1)</sup>, но третью я узналъ короче: Императрицу Елисавету, женщину рѣдкую. Съ прошедшей осени я имѣлъ счастье бесѣдовать съ ней еженедѣльно, иногда часа по два и больше, съ глазу на глазъ; иногда мы читали вмѣстѣ, иногда даже спорили, и всегда я выходилъ изъ ея кабинета съ пріятнымъ чувствомъ. Государь сказалъ мнѣ, что и она скучала въ его отсутствіе бесѣдами съ исторіографомъ. Къ ней написалъ я, можетъ быть, послѣдніе стихи въ моей жизни, въ которыхъ сказалъ:

„Здѣсь все мечта и сонъ, не будетъ пробужденья!  
Тебя узналъ я здѣсь, въ прелестномъ сновидѣньѣ:  
Узнаю наяву!“

Къ тому же времени относятся воспоминанія товарища президента Императорской академіи художествъ, графа Ѳедора Петровича Толстого; приводимъ изъ нихъ одно мѣсто, въ которомъ онъ говоритъ объ Императрицѣ Елисаветѣ Алексѣевнѣ.

„Въ 1820 году я жилъ лѣто въ Царскомъ Селѣ съ женою и дѣтьми. Вскорѣ по приѣздѣ двора въ Царское Село, по желанію нашего ангела Императрицы Елисаветы Алексѣевны, я имѣлъ счастье первый разъ представиться Ея Величеству. Введенный Николаемъ Михайловичемъ Лонгиновымъ въ кабинетъ Государыни (гдѣ уже находилась Ея Величество), я былъ пораженъ какъ простотою ея туалета, такъ и обстановкою кабинета. На Елисаветѣ Алексѣевнѣ было простенькое, безъ всякаго украшенія платье, обыкновенной лѣтней матеріи, съ накинутою на шею и плечи бѣлою батистовою косынкою,

<sup>1)</sup> Императора Александра I и Императрицу Марію Ѳеодоровну.

заколотою простою булавкою. Кабинетъ Императрицы былъ безъ всякихъ излишнихъ украшеній и роскоши, устроенный не для показа, а для настоящихъ занятій. Когда я подошелъ къ Императрицѣ, чтобы поцѣловать ея руку, она приняла меня съ такимъ простосердечіемъ и ласкою, что я не могъ удержать слезъ отъ умиленія. Императрица долго говорила со мною, расспрашивала о моихъ родителяхъ, о моемъ дѣтствѣ и очень подробно о томъ, какъ я сдѣлался художникомъ. Въ то самое лѣто я имѣлъ счастье довольно часто бывать у Ея Величества, такъ какъ ей угодно было знать обо всемъ, что я буду производить по художеству.

Дня черезъ три или четыре послѣ моего перваго представленія Ея Величеству, Государыня получила небольшую коллекцію цвѣтовъ, писанныхъ гуашью однимъ замѣчательнымъ въ Парижѣ по этой части художникомъ. Лонгиновъ сказалъ мнѣ, что Императрицѣ угодно, чтобы я рассмотрѣлъ эту коллекцію цвѣтовъ. Въ назначенный день я явился въ кабинетъ Императрицы, гдѣ она съ тою же ласкою, какъ и въ первый разъ, изволила меня принять и показала полученную коллекцію цвѣтовъ; они ей очень нравились. Эта коллекція состояла изъ восемнадцати разныхъ цвѣтковъ, писанныхъ гуашовыми красками. На грунтовой зеленовато-сѣрой бумагѣ цвѣты были красиво расположены и исполнены съ французскимъ шикомъ. Осматривая коллекцію и отдавая полную справедливость искусству парижскаго художника владѣть гуашовыми красками, я сказалъ: „Мнѣ кажется, что въ принятой этимъ артистомъ манерѣ рисовать цвѣты видно болѣе желанья блеснуть эффе́ктомъ и выставить свой вкусъ, нежели съ строгою отчетливостью передать съ натуры на бумагу копируемый цвѣтокъ, такъ, какъ онъ есть, со всѣми малѣйшими подробностями, принадлежащими этому цвѣтку, отчего въ этихъ столь различныхъ между собою цвѣтахъ съ перваго рисунка показывается какое-то сходство между собою, несмотря на ихъ различные формы и цвѣта!“

На это Императрица сказала мнѣ: Попробуйте нарисовать мнѣ какой-нибудь цвѣтокъ и покажите мнѣ“.

Не рисовавъ никогда цвѣтовъ, я, однако, принялъ это предложеніе. Вернувшись домой, я нашелъ въ маленькомъ садикѣ кустъ довольно красивыхъ свѣтло-лиловыхъ цвѣтковъ о шести листочкахъ. Сорвавъ небольшую вѣтку съ двумя цвѣтками и съ зеленью, тотчасъ же принялся рисовать его, но не акварелью и не гуашью, и не на грунтовой бумагѣ, а просто на цвѣтной англійской, и водяными красками, которыя я употреблялъ для моихъ рисунковъ, и которыя почти всѣ состоятъ изъ чистыхъ природныхъ корпусныхъ и минеральныхъ красокъ; употреблялъ я ихъ по принятому мною



способу. Этотъ способъ оказался особенно удобенъ для рисованія цвѣтовъ и фруктовъ.

На другой день рисунокъ былъ готовъ. Я отнесъ его Императрицѣ, которая, увидѣвъ его, очень хвалила и сказала мнѣ, что она находитъ въ моемъ цвѣткѣ болѣе жизни и натуры, нежели въ коллекціи присланныхъ ей цвѣтовъ. Такое заключеніе Ея Величества о моемъ, въ первый разъ мною написанномъ, цвѣткѣ несказанно меня обрадовало. Съ тѣхъ поръ я сталъ, въ свободное отъ серьезныхъ занятій время, рисовать цвѣты, фрукты и ягоды, то по одиночкѣ, то группами; также бразильскихъ бабочекъ, жучковъ, стрекозъ, разныхъ формъ и цвѣтовъ, со всевозможными узорами и съ металлическими отблесками; также рисовалъ маленькихъ птичекъ изъ породы колибри, коихъ перышки въ нѣкоторыхъ мѣстахъ блестятъ металломъ. Впослѣдствіи я сдѣлалъ очень много рисунковъ во всѣхъ этихъ родахъ для Императрицы Елисаветы Алексѣвны и представилъ ей, между прочимъ, нѣсколько большихъ рисунковъ, на которыхъ были сгруппированы вмѣстѣ цвѣты, фрукты, птички, бабочки, стрекозы и жучки“.

Несмотря на то, что дѣла благотворительности отнимали у Императрицы не мало времени и доставляли ей нравственное удовлетвореніе въ отрадномъ сознаніи приносимой ею пользы, несмотря на то, что отношенія ея къ любимому супругу въ описываемое время улучшились, и они сблизились болѣе чѣмъ прежде, настроеніе Елисаветы Алексѣвны продолжало, въ общемъ, быть грустнымъ; на это не мало повліяло конечно то обстоятельство, что ей пришлось перенести въ это время рядъ тяжелыхъ утратъ

Въ 1821 г. скончалась въ Парижѣ ея давнишняя пріятельница, графиня Варвара Головина; два года спустя, въ октябрѣ мѣсяцѣ 1823 года, послѣ продолжительной болѣзни скончалась въ Баденѣ старшая сестра Государыни, принцесса Амалія, столько лѣтъ прожившая съ ней въ Россіи. Смерть сестры повергла Императрицу въ глубокую скорбь.

„Императрица Елисавета отъ горести похудѣла и не перестаетъ плакать о сестрѣ“, писалъ Карамзинъ Дмитріеву 27 ноября 1823 г., сама же Императрица писала маркграфинѣ 26 декабря 1823 г.:

„Я чувствую, что многое, весьма многое безвозвратно кончилось для меня на семъ свѣтѣ, въ особенности въ настоящее время. Бываютъ моменты, когда это кажется мнѣ жестоко, но стоятъ только вспомнить, что жизнь дана мнѣ не для здѣшняго міра, и тогда это кажется вполне естественно и даже благостно со стороны Господа, Который не даетъ мнѣ привязаться къ міру, для котораго я пред-

назначена судьбою. Конечно, для меня это легче, нежели для другой, такъ какъ у меня нѣтъ дѣтей“.

„Къ печалямъ и горестямъ скоро прибавились признаки серьезнаго физическаго недомоганія. Появились сердечные припадки и общее разслабленіе всего организма. Прогулки пѣшкомъ стали утомлять Государыню, а ея любимое развлеченіе—ѣзда верхомъ не одобрялась врачами. Императрица лично была мало озабочена плохимъ состояніемъ своего здоровья и, не довѣряя лѣкарствамъ, не обращала вниманія на предупрежденія докторовъ“.

Такъ прошелъ 1823 годъ.

В. В. Тимошукъ.

